

ПЕСНЯ ПРОСТАКА

КАРАВАЦКАЯ ДАРИЯ

Дария Каравацкая

Песня простака

«Автор»

2026

Каравацкая Д.

Песня простака / Д. Каравацкая — «Автор», 2026

Ироничный, уставший от плясок шут несет вам свою Песню простака. Как-то раз его уклад жизни нарушает визит герцога, который готов обменять свое могучее войско на руку и сердце принцессы. И когда неминуемое становится реальным, постепенно раскрываются тайны, что годами хранились в окрестностях замка«О, право, интересная вещь! Трагичная, но со вкусом»Новелла/повесть.

© Каравацкая Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Куплет первый	5
Проигрыш	11
Интерлюдия	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дария Каравацкая

Песня простака

Куплет первый

Трынть-дрынь струна, трынть-дрынь струна — песнь во славу Филиппа короля! Трынть-дрынь струна, трынть-дрынь Да в пекло всё. Если еще здесь я стану распевать хвалебные песни, то сойду с ума сильно раньше, чем хотелось бы. Хотя, давайте серьезно, разве это кто-то заметит? Был шут чудачком, станет шут дураком Как бы там ни было, в этот раз под скрипы лютни спою другую вещь. Мою «Песню простака». В ней герой не рыцарь, не герцог, не король. А так, простой малец, которому в жизни однажды счастье изменило и ему спасли жизнь. А потом представился хороший случай и его чуть не высекли до полусмерти. О, право, интересная вещь! Трагичная, но со вкусом.

В одном далеком королевстве дело было. Если бы мог, рассказал вам и название, и меж каких гор королевство располагается. Да вот только жестокие войны приучили местных к самому главному: хочешь остаться жив — молчи. Потому видимо и народ у нас не из болтливых. Никто не расскажет, как справился с хворью, не расскажет о своем портном или башмачнике, который сделал пару чудесных сафьяновых сапог. И не назовет свое имя. А если назовет, то приукрасит так лихо и витиевато, что от имени останется лишь намек. Никто не осудит его за этот шаг. В замке и вовсе приняли официальный указ — лишать родного имени каждого, кто приезжает в эти стены на службу. Приезжаешь, на тебя глядит кто-то из королевской свиты и говорит: «Ну точно безумец этот малый, так его и назовем». Приятно познакомиться, кстати. Меня зовут Лефу. В ваших краях звучало бы совершенно безумно.

Королевство пусть и закрытое, но невероятно красивое, правда. Горы, озёра, море, леса, луга. Растения знают толк, где распускать свои самые яркие цветы. Вот и знать соседних государств так считает. Как там поётся?

Было три пташки у царской короны,

Две вышли замуж, упорхнули за море.

Берегись, третья пташка, не плач по ночам —

Твой брак лишь путь к королевским мечтам.

Всё так, увы. Вот и сегодня очередная делегация пожаловала во дворец. Наши кухарки готовили всю ночь, виночерпий накануне заказал лучшее вино из провинции, весь замок гудел в предвкушении визита герцога Камиля де ла Рош. Вот здесь, пожалуй, и начнем нашу песню.

С чего начинается королевская трапеза? С маскарада. И понимайте это как хотите. Я же оказался у своего столика в комнате неподалеку от трапезного зала. Над столом висит кусок мутного стекла в облезлой деревянной раме, который здесь гордо называют зеркалом. Мое время маскарада пришло. В зеркале вижу глаза, что глядят с презреньем на выбеленное лицо, которое должно сделать меня забавным. Вижу презренье к синим треугольникам под глазами,

которые должны изображать потешную печаль, но на деле выдают, что я дурно спал четвертую ночь подряд. Мой драгоценный колпак с бубенцами водружаю на голову и готов поспорить, что он давит на виски не хуже шлема. А это праздничное жабо душит меня, точно чья-то огромная лапа.

Но что поделать. Весь этот маскарад — Лефу. Наступает момент, когда ты срастаешься с той личиной, которую дарят тебе в замке. Рано или поздно перестаешь задавать себе вопросы «а что было бы, если бы я остался в деревне» или «что ждет меня здесь дальше». Просто смиряешься, смотришь в отражение на разукрашенную физиономию, готовый вот-вот ворваться в большой зал, где аромат жареного мяса перемешивается с лицемерием, а ты — главный лицедей, порой держишься честнее всех. Да, все это я. И другого меня скорее всего никогда не будет.

Мог бы я снять колпак? Оторвать жабо, бросить тесные двухцветные перчатки на пол и просто уйти? Даже если бы это позволял закон, я бы не ушел. Да и стыдно признать, никогда не хотел уйти. Сам не знаю почему.

— Лефу, ты готов? — окликает один из шутов, — Мы с Тордю чуть задержимся, он опять фруктов объелся, сбежал ну ты понял куда.

— Я почти готов, могу начать без вас.

— По рукам!

Поправляю колпак — бубенцы звенят так мерзко, виски пронизывает тысяча острых игл. Герцог, вероятно, уже омывает свои благородные ручки. Король вот-вот сядет во главе стола, потирая бороду и ожидая, что сегодняшний вечер пройдет без сучка и задоринки. В моей власти песни, акробатика, трюки и шутки Ха, шутки! Им нравится смеяться над ними. Но мы ведь не шутим, а говорим то, что они не решаются произнести вслух. Можно похихикать и сделать вид, что всё сказанное полная чушь, а в глубине сердца снять перед нами шляпу или чуть-чуть казнить.

— Ну что, Лефу, — говорю своему отражению по-традиции, — Сыграем.

Отражение молчит, только бубенцы едва заметно подрагивают. Я отворачиваюсь от столика и иду к двери в большой зал. Двухцветные сапоги мягко скрипят. Где-то за стеной уже раздается гул голосов и звон бокалов. Беру лютню в руки и выхожу. Пора.

Меня тут же встречает волна смешков и хохота. Предвкушение толпы плотно наполняет воздух. Я лукаво улыбаюсь им в ответ. Машу свободной рукой то тем, то этим, кривляюсь и хлопаю. Да-да, вот ваш любимый безумец, сейчас начнется потеха.

Король сидит во главе стола и довольно поглаживает бороду — добрый знак, видимо встреча проходит как надо. Ловлю его взгляд и он кивает мне в ответ. Значит можно начинать, музыка отвлекать не будет от переговоров.

Прижимаю к груди лютню, она немного теплая, старая, с царапиной на плоской деке. Пальцы сами находят лады на грифе. Перебираю тихонько, что-то напевая под нос... О чем же спеть? Пока подбираю слова, окидываю народ неспешным взглядом. Придворные плотно набили зал: маркизы, герцоги и графы надели свои лучшие бархатные наряды, их дамы пристроили на головах чудаковатые колпаки и шляпки. Часть королевской свиты суетиться у стен — молчат, чтобы их и не заметили.

Перебираю струны дальше и замечаю герцога. Камиль де ла Рош сидит на почетном месте с правой стороны от короля. Высоченный, широкоплечий. На вид не так уж стар как я думал, может лет тридцать пять ему или чуть больше. Крепкий малый, лицо и руки в полосках шрамов. Человек военный, не иначе.

А рядом с королем — пустое место. Куда же подевалась наша «третья пташка»?.. Внутри что-то дрогнуло, пальцы чуть не сбились с перебираемых аккордов. Я знаю, что буду петь.

Жил как-то дрозд, непутевая птица,

Мечтал покорить он высоты,
И желаний порочных скорее добиться.
Пока его братцы питались червями,
Он грезил лимонами под небесами.
Взлетел бедолага, надорвавши крыло,
Хоть знал он в душе, что лимоны – не то.
Но тоска и надежда его погубили –
Сидел бы в крапиве, где червями кормили.
Вот так и бывает порой:
Мечтал глупый дрозд о запретном,
Теперь под стеною лежит он немой,
И сам для червей стал десертом.

Зал рукоплещет, заливаётся смехом. Им понравилось – еще бы! Песня про глупую птицу, что может быть проще, не правда ли? Даже король хлопнул в ладоши раз, другой. Я выдаю глубокий поклон, и в этот миг в зале становится тихо, открывается высокая резная дверь, и церемониймейстер звучно объявляет о визите долгожданной принцессы. Уверен, она думала проскочить незаметно. Увы, не в этот раз.

Элоиза медленно входит в зал. Сегодня на ней платье небесно голубого цвета, точно такого как ее глаза... Белый шифон обрамляет ее тонкую шею, спадает по ключицам до линии высокого корсета, вышитого перламутровыми бусинами. Темные волосы собраны на макушке и только два локона аккуратно спадают на усыпанное бледными веснушками лицо. Каждый в этом зале смотрит на нее. Я не проверял, но чувствую это.

Она доходит до стола, ни разу не подняв взгляд с пола, король знакомит ее с герцогом, тот целует ее руку и заливаётся краской. Элоиза улыбается в ответ, наклоняется и что-то шепчет своему отцу. А после – я знал, что так и будет – встречается взглядом со мной. Кажется, она

печальна. Мои губы сами растягиваются в лукавую ухмылку. Не успел я отложить лютню, как в зал вкатывается кубарем Тордю и начинает громко гоготать. О, нет, друг мой. Этим вечером все взгляды будут моими.

Я отдаю лютню в руки подвернувшегося пажу, надеюсь, хоть этот не добавит струнной подруге царापин. Выхожу в центр зала, каждым шагом приближаясь к кульминации. Снимаю шляпу, господа. На этот раз буквально. Колпак летит звонко вверх, бубенцы звенят как перепуганные мыши. Все смотрят на меня, Тордю кривляет рожи где-то там в тени. Зрители ждут. Воздух наполняется томящим накалом внимания. Хотят увидеть что-то нелепое? Что ж, будет им.

Первым кульбитом сбиваю ногой шляпу вон, подальше к Тордю. Кровь пробежала по жилам, затуманила ту кристальную ясность, которая не дает мне покоя. И следом, не сбавляя темпа, второй кульбит – мир кувырается вместе со мной: канделябры и торшеры рябят в глазах, ноги гостей выглядывают из-под столов, а где-то в толпе пестрит голубой огонек. Дамы, что поближе, визжат. Как мило! Становлюсь на ладони и подхожу к маркизам и герцогиням.

— Осторожней, мадам, — кричу я и аккуратно переворачиваюсь на ноги неподалеку, — не то упаду в ваши объятия. А знаете ли, зал еще не готов к потешной обескураженной физиономии вашего супруга. Давайте сперва разогреем гостей, а уж потом

Хохочут. Славно. Дамочка покраснела до ушей, а ее муженек нахмурил брови. Классика. Беру с ближайшего стола три апельсина и начинаю жонглировать. Один летит в воздух.

– Вот наш казначей, – киваю влево, не прекращая жонглировать, – такой же упитанный кругляш. Только, пожалуй, совершенно не сладенький.

Кидаю второй вверх, теперь перебирая оба поочередно одной рукой.

– А вот это барон де Монфор. Такой же любитель оранжевых камзолов. И, готов поспорить, внутри такая же кислятина.

Третий апельсин перехватываю ребром ладони.

– Герцог Ах, герцог де ла Рош. Наш гость – скорее уж каштан: снаружи зеленая шипастая кожура, а внутри – загадка. Может, сладко, а может, нет. Кто же его раскусит?

Жонглирую тремя фруктами медленно, словно впервые, а затем быстрее, добавляя процессу их любимый скучающе-печальный вид. Какой-то щедрый господин подкинул мне яблоко, подбрасываю его пяткой – сам удивлен, что получилось.

– О, а это кто у нас?.. Кто же тебя сюда против воли бросил? Кинули какому-то пареньку и не спросили, да? – половина королевского стола покосилась на Элоизу, но я промолчу. Оставьте свои домыслы при себе.

Яблоко замедляется в полёте, я смотрю на него, и зал затихает. А потом – хлоп! – ловко ловлю за спиной. Мгновение тишины. И взрыв хохота.

Тордю, бедняга Тордю. Зависть сжирает его живьем. Не в силах выдержать бремя тени, он вырывается к народу. Присаживается неподалеку от герцогини, складывает руки под мышками, подражая курице. Скручивает свои изуродованные губы в гримасу и говорит тонким, противным голоском:

– Ай-яй, какой кошмар! Этот шут подкрался ко мне и глядит в оба глаза! Ах, он, наверное, сейчас стащит мой титул и – кудах! – сережки!

Играй, мой друг, играй. Я слышу его клекот за моей спиной. Он выбегает, надев на голову салфетку, точно корону, и подражает королю – потирает невидимую бороду, выпячивает живот. Но никто на него даже не взглянул. Все глаза – на меня, а ведь я даже ничего не делаю. Стою, сложив руки на груди, и чуть улыбаюсь. И этого достаточно. Тордю понимает раньше меня, что соревноваться бессмысленно и уходит кривляться, глумиться куда-то к королевской свите у стены.

Легким плавным сальто – уверен, со стороны это выглядит именно так – я оказываюсь у родного колпака и поправляю свою шутовскую корону. Слышу звон бокалов, залиvistый

смех, чей-то кашель. А потом, когда я поворачиваюсь лицом к королевскому столу, встречаюсь с ней взглядом.

Элоиза Она не смеется. Губы плотно сжаты, руки устало сложены, подпирая подбородок. Но я вижу. Вижу, как ее глаза чуть-чуть прищурились, как дрожат уголки губ. Неужели принцесса прячет улыбку? От меня?.. Раз уж так, мне пора идти.

Кланяюсь, широко разведя руки. Колпак с бубенцами почти касается пола. Поднявшись, бросаю последний взор в банкетный зал. Король склонился к Герцогу и что-то говорит, ярко жестикулируя. Камиль медленно кивает, его лицо непроницаемо, только шрам на скуле белеет при каждом жесте. Так и не услышал что они обсуждали. Боюсь, что как всегда: земли, войны, деньги. Принцессу. А та не смотрит ни на отца, ни на очередного женишка. Только задумчиво перекачивать по тарелке из стороны в сторону что-то маленькое.

Больше нет сил. Я отворачиваюсь и выхожу.

На кухне все еще пышет жаром. Запах сушеных трав и тушеной дичи окутывает со входа. Здесь совершенно другой мир – без бархата, без лицемерия. Зато есть сажа у печи, сварливые голоса поваров, визг и ругань мальчишек, которые помогают по мелочи. Я проскальзываю к небольшому столу в углу, прислоняюсь спиной к стене и наконец позволяю себе выдохнуть. Колпак, мой извечный напарник, полежи со мной рядом.

– Боже, милый мой! На кого ты теперь похож, а? – раздается звонкий медовый голос, от которого у меня что-то теплое разливается под ребрами.

Моя Миэль выныривает из толпы поварят и дымовой завесы, вся в муке, с красными щеками. Как я ее не заметил сразу? Миэль шире любой другой кухарки, передник на ней штопан несчетное количество раз, но в этом теле собрано столько доброты и нежности. Даже к таким, как я. Сколько не набрать во всем королевском замке. Если и не первой, то второй матерью она стала мне по праву. И как же я за всю эту заботу ей благодарен! Может, зря не говорю ей об этом лично?.. Родной матери, кажется, так и не сказал ни разу. Во всяком случае, не помню такого. И вряд ли однажды вспомню.

— Похож? Думаю, на себя — на лучший экземпляр из возможных, — говорю изо всех сил бодро.

– Да молчи уж, – она тут же ставит передо мной полную до краев глиняную тарелку. Здесь и мясо, и подлива, и какой-то пирог с капустой, и ломоть хлеба, и даже заварное пирожное со сливочным кремом, – Ешь давай. Ты совсем осунулся, Лефу. Глаза вон как покраснели, скулы торчат. Скоро будешь как жердь для своего этого колпака. Ноги тебя не удержат!

Она ходит вокруг меня, хлопочет, причитает. Поправляет жабо, хотя оно давно уже потеряло праздничную форму безвозвратно. Как же ее руки пахнут домом! Луком, тестом и базиликом.

– Если ноги не будут держать, – улыбаюсь я, откусывая кусок хлеба, – стану ходить на руках. Не привыкать.

– Я тебе дам! – она шлепает меня полотенцем по плечу, – Никакой серьезности в человеке, сколько бы раз я ему не говорила, все бестолку

Рядом, из-за котлов, высовывается две взлохмаченные головы. Девчушки лет десяти, обе чумазые, с таким любопытством в глазах, какое не скроешь никаким кухарским чепчиком.

– Лефу, а это правда? – шепчет одна из них. – Принцесса выходит замуж? За этого герцога?

– Какой он? Симпатичный? – краснея, спрашивает вторая.

Я жую долго, напускаю особо задумчивый вид. Миэль смотрит на меня строго, но я знаю: ей тоже интересно.

– Все они на одно лицо, – говорю я после паузы. – Хотят много, а совести мало. Этот же еще и широченный, – развожу демонстративно руки. – Как тот шкаф в кладовой. И радости в нем примерно столько же.

– И что, принцесса за герцога-шкафа замуж пойдет? – не унимается маленькая кухарка.

– А разве у нее будут спрашивать?.. – Ответив, понимаю, что теперь аппетит пропал.

Миэль отгоняет девчонок одним лишь взглядом и садиться рядом со мной на скамью.

– Смотри не взболтни здесь лишнего, – тихо говорит она.

– Я шут, Миэль. Мой удел – говорить лишнее.

В этот момент скрипит дверь кухни. Входит сенешаль Декле. Я узнаю его по походке раньше, чем вижу лицо. Он идет так медленно, осторожно, с ровной осанкой – вот именно так и ходят те, кто привык носить на плечах не только пурпузы и камзолы, но и чужие тайны. Декле стар, но статен. Тонкие седые усы складываются ниточкой над сморщенным ртом. Он ищет сощуренным взглядом что-то по кухне, пока не встречает меня.

– О, вот ты где, Лефу, – говорит он чуть хрипло, но при этом его четко слышно даже сквозь грохот кастрюль. – Давай, дружок, не расслабляйся. Банкет затягивается, другие шуты тоже устали. Крапу охрип, Тордю сбежал куда-то, двое других всем уже надоели. Готовься, ты нужен.

– Услышал, иду, – говорю я, погружая колпак на законное место. – Ни минуты покоя, всё королевство держится только на мне

– Давай-давай, герой, – с серьезным видом отвечает Декле, – если и ты свалишься там, обещаю, со всеми почестями вернем тебя Миэль на кухню.

Моя дорогая Миэль качает головой и крестит меня перед выходом. Выхожу в коридор, здесь сильно тише после кухни, но приглушенный гул, звон бокалов и звонкий смех уже доносятся до меня из зала.

– Ну что, Лефу, – говорю себе по-привычке, – Сыграем. Еще разок.

Проигрыш

Куплет затянулся. Но в моей песне, прежде чем зазвучит новый куплет, наступает тишина. Именно в эту тишину вы шагнете вместе со мной.

Сложно понять сколько времени прошло с начала пира, да и кому теперь есть до этого дело – свечи в зале догорели наполовину, оплывший воск каплями застыл на подсвечниках, словно слезы утекающего времени прилипли к витиеватой бронзе. Воздух стал тяжелым, маслянистым: смесь нескончаемой череды блюд, дамского парфюма и кислотоватого амбре от тех, кто перестал следить за мерой.

Я сидел на полу посреди зала. Ноги скрещены, колпак съехал набекрень, даже бубенцы, утомившись, молчат. Лениво перебираю аккорды лютни, не столько играя, сколько проверяя, а издают ли они какой-нибудь звук сейчас. Пальцы поочередно находят струну за струной в попытках собрать в этой какофонии что-то приличное. Да вот только кто будет это слушать? Часть гостей разошлась, сославшись на неотложные дела, а часть Где-то в углу маркиз, изрядно оценив работу виночерпия, попытался изобразить танец с собственной вилкой, но быстро остыл и рухнул обратно на скамью. Барон де Монфор спит, положив голову рядом с тарелкой рагу. А его супруга, та самая, что еще недавно краснела от моих колкостей, теперь сидит бледная, бедняжка, тербит кружева на рукавах и старается игнорировать мужа. За дальним столом втихаря обменивалась поцелуями парочка слуг, предполагая, что их никто не видит. Видно всех. Даже в темноте ночи.

Элоиза покинула зал еще до полуночи. Тихонько встала, поклонилась герцогу, что-то сказала отцу и вышла через потайную дверь за гардинами. Ее небесно-голубое платье мелькнуло у окна — и всё. Исчезла пташка. А герцог все-таки долго провожал ее взглядом, пока его не оторвал от грез король.

Их беседа с течением времени становилась всё серьезнее.

Король Филипп подзывает сенешаля, шепчет ему на ухо, а после Декле исчезает на миг и возвращается с листом пергамента, чернильницей и гусиным пером. Филипп придвигает канделябр ближе, обмакивает перо, проводит по краю чернильницы и начинает строчить пометки, продолжая бурную беседу с герцогом Камилем де ла Рош.

Вот он. Ценный сладкий миг. Что ж, струнная подруга, придется нам пройтись еще немного. Кто как не шут должен оказаться рядом, когда двое достопочтенных господ в первом часу ночи сидят так воодушевленно над пергаментом? Кому, как не безумцу, дозволено приближаться к вельможам настолько близко, нагло заглядывая им через плечо? Увы — а может, слава Богу, — не каждый шут это понимает. Тордю знаком язык оваций и залиvistого хохота. Если на него не смотрят, разинув рты, то весь труд впустую — так он считает. И пусть себе кривляется где-нибудь у скамьи, с которой начал доноситься свистящий храп. У меня есть дело другое.

Пальцы нащупали лады, я заиграл ту самую мелодию, такую старую, тягучую, которую так любят менестрели – песня о славных рыцарях, которые и в бою хороши, и короля восхваляют, и сердце дамы разбивают. Сыграю без слов, сейчас это ни к чему.

С лютней наперевес не спеша кружу по залу меж столов, перешагивая торчащие из-под столов туфли и подола платьев. Никто не обращает на меня внимания – то, что нужно.

Приближаюсь к королевскому столу на расстояние шага, не ближе. Король не поднимает головы, Камиль сидит с прямой спиной, положив широкие ладони на стол, и внимательно слушает. Он не пьет. За весь вечер ни разу.

— не удержат, ваше Величество. — голос его, что меня поражало весь вечер, совершенно не вязался с обликом: размеренный, мелодичный, спокойный. Так мог бы говорить учитель или монах, переписывающий в келье жития святых. Ни тени воинственной грубости или басо-

витости. — Граница у гор — самая уязвимая. Если герцогство Амарантайское падёт, дальше — прямой путь к столице.

— Да-да, знаю, Камиль, знаю... — Король отвечает баритоном, хрипловатым, с медленной тяжестью. — Но с моря тоже жмут. Варвары эти треклятые перешли пролив на лодках, ума хватило не светиться на драккарах. Уже третий месяц жгут наши порты. Ни провинция Минар, ни Гарсан долго не выдержат такие набеги.

— Лодки — Камиль усмехается, но ему точно не весело. — Значит, разведчики. Ищут ваши слабые места.

— Ищут, ага. Не так уж сложно не заметить, что у нас больше нет флота. Береговая стража — сотня копий, да горсть лучников. Там даже дети с рогатками лучше справятся, чем эти

Король замолкает и чиркает пером по пергаменту. Я делаю вид, что замешкался с аккордом, чуть склоняю голову набок, будто прислушиваюсь к строю лютни.

— Мои люди держат берега не первый год. — Камиль говорит размеренно. — Мои земли не просто так зовут Островом Кузнецов. Вам знакомы мечи из драконьей стали? Наши ремесленники передают традиции только внутри острова. Снаружи каждый меч твердый, острый, как и полагается толковому мечу. А внутри, — Камиль заговорил чуть тише, — мягкое ковкое железо. Вязкое, пластичное. Клинок не сломать, даже когда придется рубить кости. И это я еще не говорю о самих воинах, ваше Величество. Они с пяти лет навсегда уходят из семей. Они с малых ногтей знают, что такое лук в человеческий рост. К двенадцати бьют из арбалета. К восемнадцати — убьют по приказу, не вздрогнув.

— Я, честно сказать, давно слышу про ваши казармы. — Король откладывает перо, смотрит на герцога в упор. — Народ говорит, вы там не солдат растите. А нечто гораздо страшнее...

— Не солдат. — Камиль кивает. — Солдат можно нанять. Я рашу тех, кто никогда не узнает другой жизни. У них нет семей. Ни жен, ни детей. И никогда не будет. Есть только отряд, я и приказ. Вы не найдете таких воинов нигде в мире. Даже продажные наемники уступят моим людям в рвении к победе. Готов поставить на кон свой титул, что так оно и есть.

Лефу, ну ты и дурак... Я же слышал легенды. Про големов с островов, про железных людей в драконьей кольчуге, про непобедимых воинов, которые не спят, не едят, только рубятся с утра до вечера. Все думал — сказки для детей, чтобы те послушно ложились спать поскорей. А вот они. Псы Камиля.

И герцог продолжает:

— Мои люди идут в бой плечом к плечу со мной, ваше Величество. Я не прячусь за спины. Они знают: если я попрошу их умереть — значит, так надо. Если я велю побеждать — они победят. За десять лет я не проиграл ни одной кампании.

И раз уж король слушает так внимательно, раз уж попросил бумагу и перо для своих заметок — цена названа. И она высока. Предельно высока.

— Сколько их? — спрашивает Филипп.

— Тысяча мечей. Вернее, тысяча сто тридцать семь, если считать тех, кто восстанавливается после лихорадки. — Камиль называет цифру так же ровно, как назвал бы количество овец в отаре. — Две роты арбалетчиков. Конный отряд — двести копий. Половину направлю к горам, половину на побережье. Этого хватит, чтобы удерживать границы года три точно. Потом пересмотрим и дополним пробелы.

— Что взамен? — Король щурится. Он уже знает ответ. И я знаю.

Замираю, почти перестаю перебирать струны. Дыхание растворяется вместе с мелодией... Лютня выдает фальшивую ноту — я вовремя поправляю палец.

— Вы слышали моё предложение, ваше Величество. Оно неизменно,. — Герцог садится ровнее. Свет падает на его лицо, шрам на скуле белеет, как зарубка на дереве. — Союз, скреплённый кровью.

Цена войску — она. Элоиза.

Струна под средним пальцем издаёт внезапный громкий звук — кто-то из придворных оборачивается, но тут же теряет интерес. Шут и есть шут, кому какое дело.

Король снова склоняется над пергаментом. Начинается торг: не тысяча, а полторы; не три года, а пять; свадьба раньше, чтобы не тянуть. Дальше они переходят на шепот. Впрочем, довольно. Суть уловил, нужные ниточки смотаны в клубок.

Я отхожу, делая вид, что увлекся песней. Никто не провожает меня взглядом. Даже король. У холодного камня колонны мысли начинают бойко звенеть под колпаком. Чем замок не базар? Там торгуются за быка, за мешок пшеницы. Здесь за кровь, за жизнь человека. Знает ли она свою скромную названную цену?..

Вопрос впился под ребра, как гадкая заноза. В голове шумит, хоть я не пью. Подхожу к высокому стрельчатому окну. Луна висит над замком как обезумевший глаз небосвода. Внизу, у стен, буйно шумит река. Несется вдаль, переплетаясь с горными ручьями в тугие косы, пока не впадет в море. Ее громкий шепот за последние годы стал мне так мил, так ценен, так необходим.

Пусть лютня полежит здесь, у окна, ничего с ней не случится. А я пройдусь. Ноги несут сами, голова, наконец, молчит. Вот там, у реки, всегда хранятся секреты. И эти, на мой личный вкус, куда ценнее тех, что можно услышать на королевском пиру.

Говорят, есть звери, что не могут жить под луной. Их кровь бурлит, дурные мысли заполняют голову, тело рвется совершать ошибки, оставляя привычный ночной покой. Для меня же ночное светило стало хорошим другом. Под холодным сиянием неба я прохожу внутренние дворы замка, где ночная стража уже сменилась, а новый караул не привык к темноте. Дохожу до лаза в стене, этой широкой расщелины, давно заросшей диким плющом, которую никто так и не соберется чинить. Чему я несказанно рад. Влажная трава под сапогами немного скрипит, пока я направляюсь ближе к реке.

Нашу ольху у берега я узнаю даже в полном мраке — старую, скрученную, с низко нависшими ветвями. Опускаюсь на колени, раздвигаю липкую от росы листву, лезу в самую гущу. Пальцы нащупывают знакомый угол: шкатулка лежит в своём гнёздышке из листьев, приваленная прошлогодней травой, будто сама земля бережёт её. Вытаскиваю ящик и сажусь с ним на прибрежный валун. Руки предательски дрожат. Да и пусть. Лишь бы они ничего не уронили.

Не могу перестать любоваться крышкой этой шкатулки. За все эти годы, мне кажется, я выучил каждую деталь наизусть. Темная старая древесина, но резьба четкая и ясная, словно ее выстругали только вчера. Краска аккуратно подчеркивает белоснежное деревце в центре композиции. Справа от него лето: ветви гнутся под тяжестью листвы, птица замерла в полете, солнце в углу вырезано полукруглой насечкой. Слева – зима: голые сучья, снежные-хлопья точки и холодная луна стоит зеркально солнцу. Белый ствол разделен пополам. Оно вечно проживает свою зиму и лето.

Откидываю медную застежку. Внутри — такой привычный беспорядок. Сверху лежит сложенный вчетверо лист, а под ним лежат листы расправленные, перевернутые исписанной стороной вниз. Видимо, чтобы никто сторонний не прочитал слова. Могу лишь догадываться об этом, правила придумал не я. Рядом с письмами лежит кожаный мешочек с прочей мелочевкой. Достая оттуда огниво, кресало, свечку. Даже сквозь шепот реки слышно, как искра рождает пламя на кончике фитиля. Пламя разгорается, заглывая прибрежный воздух, начинает подпрыгивать, а после успокаивается, и теперь я вижу всё.

Стопка писем, дневники. Свинцовый стилус в деревянной резной оболочке – едва ли не чудо, что он еще пишет? Мои пальцы отчетливо помнят его вес, фактуру резьбы, когда я вывожу серые буквы по шершавому пергаменту. Скольких слов он стал свидетелем? Кажется, было бы время, посчитал бы каждую букву и каждый знак, что он оставил.

В душе тянет горько, словно сердце схватила безжалостная судорога, отдаваясь тяжелыми спазмами по телу. Сколько лет я сую свой нос в ее письма. И столько же – отвечаю украдкой. Если в замке забрали мое имя другие, то здесь я лишил себя Лефу сам. Остался лишь «мой милый друг». Откуда ей знать правду? Я никогда не подписывался. Оставлял лишь серые буквы, которые могли принадлежать кому угодно – старому лекарю, юному оруженосцу, местному пажу. Кому угодно! И шут в этом списке, я уверен, стоит ближе к концу.

Но все-таки она пишет. Вновь и вновь. Пусть не всегда регулярно, но она возвращается. Ко мне.

Подношу сложенный лист ближе к свече. Буквы, как всегда, аккуратные, маленькие, с длинными хвостиками, которые то и дело норовят уползти за край. И начинается, как всегда, одинаково: «Мой милый друг, доброй ночи! Я знаю, ты обязательно это прочтешь».

Сегодня она пишет, что день выдался тяжелым. Она не спала несколько ночей подряд, зная, что именно сегодня ей предстоит знакомство с возможным будущим мужем. Всю жизнь она готовила себя к этому моменту, ведь дочек королей неминуемо ждет одна лишь участь. Молод или стар, тощий или полный, в здравии или больной, добрый или злой — всё это мелочь, а роль играет лишь слово короля. И вот, дождалась. Герцог Камиль де ла Рош приехал ровно в полдень.

«Он не стар и не болен, мой друг. Я бы сказала, что даже хорош собой, если судить по долгим взглядам, которыми награждали его дамы весь вечер. Но он такой чужой. И дело даже не в Острове Кузнецов, он... Сухой. Молчаливый. Строгий. Единственное, что заставляло его долго и красноречиво выражаться, была лишь война. И он говорил о ней так, словно это совершенно рутинное простенькое дело, не видя в этом ни ужаса, ни павших жизней, ни боли. А еще он ни разу не смеялся над шутками. Ни одна песня или этюд не привлекли его внимания. Даже со мной за весь вечер он толком не обмолвился — только смотрел и краснел, как мальчишка».

Не могу удержаться и перечитываю вновь. Краснел? Этот дубовый шкаф краснел перед ней? Пламя свечи вздрагивает – то ли от порыва ветра, то ли от моего дыхания.

Дальше она пишет о себе. Я хорошо помню, с каким волнением она касалась этой темы прежде в наших письмах. И здесь. Пишет, что без конца сравнивает себя с сестрами и не может поверить, что ей досталась настолько неуместная внешность. У сестер белокурые локоны, какие были при жизни у матери, пухлые губы, бархатная кожа. А у нее, точно издевка над аристократизмом, мелкие веснушки, рассыпанные по бледному лицу и черные отцовские волосы, которые только подчеркивают синяки под глазами от вечного недосыпа. «Сестры не по старшинству вышли замуж раньше. Ни один вельможа не желал выбрать меня, когда рядом были они»

Скулы тянет болью от стиснутых зубов. Вздор. Какая чушь. Кто же вбил тебе в голову эти мысли, Элоиза?

Она пишет, что пробовала дать герцогу шанс проявить себя – говорила с ним о книгах, спрашивала про жизнь и устройство народа в его землях. Крестьяне ему совершенно безразличны – они целиком под управлением его наместника. Книг он не читает. И даже не оправдывается обилием дел и хлопот, не пытается притвориться, что читал.

«Раз уж я заговорила про книги, хочу сказать тебе большое спасибо, мой милый друг, за ту книгу из прошлого письма. Я нашла балладу в библиотеке, как ты и писал, на четвертой полке северного стеллажа. Как же чудесно были описаны волшебные жители леса! Как они заготавливали дрова, как готовились к праздникам, как строили свои хижины в ветвях деревьев и вели свой размеренный быт. Это было так умиротворяюще. Мне даже показалось, что я и сама с большой радостью жила бы в мире такой баллады. Прошу тебя, посоветуй мне еще что-нибудь похожее. Твоему вкусу я безоговорочно доверяю».

В самом конце торопливо, не так аккуратно добавлен абзац, от которого у меня заныло в груди.

«Не молчи. Пожалуйста, прошу тебя, не молчи! Оставь мне любую фразу. Хоть несколько слов Я так устала от этого жестокого одиночества. В замке нет ничего, что принадлежало бы мне. Ни выбора, ни друга. Ты — единственный, кто дарит мне тепло и надежду, кто мил со мной просто так, без корыстного умысла. Поэтому прошу, мой друг, ответь на это письмо, как увидишь. Мне нужно знать, что ты здесь. Твоя Э.»

Дрожь поднимается от пальцев рук к запястьям и выше, к локтям. А следом за ней — гнев. Горький, почти животный. На дурака Камиля, которому хоть насильно в руки книгу вручи, а бестолку. На короля — за понятную, но бессердечную торговлю жизнями. На себя — за очередную маскурад, за немую игру в письма, на которой всё и кончится.

Зря я вообще влез в ее дневники тогда. Говорят, любопытство — не порок. Ничего подобного. Любопытство отравило мою жизнь а вместе с тем стало единственным возможным способом соприкоснуться со старой знакомой. Эти письма — единственный крючок, за который я держусь на этом свете. Та самая причина, по которой я встаю по утрам вместе с глупой надеждой: она написала в ответ, она ждет.

Прислонившись спиной к холодному камню, сажусь на землю. Аккуратно закрываю крышку шкатулки и кладу рядом ее письмо и сверху чистый лист и стилус.

По привычке хотел обмануть в чернильницу, то и дело забываю, что свинец пишет по пергаменту так. Изо всех сил стараюсь, чтобы мои буквы шли ровно, а рука не выдавала дрожь.

«Я здесь. И, поверь, даже если бы ты просила молчать, у меня вряд ли бы получилось. Прежде, чем я перейду к основной своей мысли, скажу. Ты пишешь вздор. Прости мою дерзость, но это так. Ни одна из твоих фарфоровых сестер не сравнится с тобой. Они красивы как что-то эфемерное, как солнечный блик, который ослепляет, хочется скорей отвести глаза и все. А ты Вот ведь как, бескостный язык не может найти нужное слово, когда это так надо. Твое лицо написано самой жизнью, понимаешь? И каждая веснушка на твоей коже западает в души всем, кому хватает ума и вкуса заметить».

Свинцовый стилус выводит слова быстрее, чем я успеваю о них подумать. Пишу, что новость о скором браке на герцоге не может не волновать. Даже меня. Пишу — вот дурак — что хотел бы оказаться рядом с ней, хотя бы в мыслях, утешить словом вслух, чтобы осмелиться и коснуться руки и не дать уставшим голубым глазам уронить больше ни единой слезы. Сердце колотится от прорвавшейся наглости. Хотя почему наглости? Здесь, в этих строках, я не веду беседу с принцессой. Здесь она моя. К тому же, она ведь сама просила оставить любую фразу.

«Я понимаю, что ты чувствуешь сейчас, хоть сам никогда не участвовал в торгах. Мне хочется верить, что Камиль де ла Рош не так ужасен, каким кажется. Пусть он будет добр к тебе и нежен. Знаешь, моя роль в этих стенах незначительна, но готов поспорить, что он сам крупно пожалеет, если осмелится сказать тебе дурное слово. Пусть лучше окажется рядом с тобой в нужный час, возьмет тебя за руку. И заставит твои беды уйти. Если бы мог, то и сам»

Что за чушь я пишу? Сам — что? Рука дрожит. Хочу написать больше, шире, отчаяннее. Хочу обещать ей долгую счастливую жизнь. Обещать уберечь от этого герцога и любого другого. Сколько же всего рвется оставить на бумаге бездумная наивная рука. Я сдерживаюсь. Сжимаю стилус крепче, резьба впивается в кожу, пальцы белеют.

«Ты когда-то писала, что сомневаешься, идет ли тебе голубой цвет. Идет. Герцог — самый настоящий идиот, если не заметил этого. Но если говоришь, что он краснел, значит, заметил. И он, как и я, видит, что ни небу, ни морю не идет голубой цвет так, как тебе».

Готов поспорить, он не заметил. Камиллю хватит ума разглядеть все это только если она выйдет в платье из драконьей стали. Делаю глубокий вдох и дописываю письмо:

«Если тебе откликнулась баллада о волшебном лесе, тебе точно стоит прочесть про малышку Аделаиду. Повесть короткая, но, уверен, тебе понравится. Аделаида живет в сельской семье, играет с друзьями, выгуливает гусей и собирает цветы. Может показаться, что это

что-то детское, но ничего подобного. Я видел книгу в библиотеке в западном секторе. Если подловлю момент, оставлю в ней закладку. Прошу, улыбнись! Твой друг».

Складываю свое письмо, кладу поверх её. Потом — всё обратно в шкатулку: огниво, свечу, стилус, письма. Закрываю крышку, провожу пальцами по холодной резьбе на прощанье.

Мы видимся каждый день. Я кланяюсь ей в зале, она проходит мимо. Я пою, она прячет улыбку или отводит взгляд, не зная, что голос принадлежит тому самому «другу». Нам не суждено встретиться вживую как в тексте. Точно дню и ночи, точно зиме и лету на этой проклятой крышке.

Прячу шкатулку обратно под куст — на то же место, приваливаю листвой. Река шумит, перекачивая камни, и мне кажется, что она смеётся надо мной. Всё верно, ведь в этом и есть мое ремесло.

Интерлюдия

Жив душой лишь тот, кто помнит своё прошлое, — не отделяй себя “тогда” от себя “сейчас”. В это верю твердо и не изменяю памяти, за что и она мне служит верно. Настала пора интерлюдии. Она звучит всегда где-то между, связывая настоящее с ушедшим, не позволяя музыкантам рассыпаться в тишине. В моей же песне интерлюдия наступает сейчас — когда затих куплет, когда проигрыш отзвенел у реки, а новый куплет ещё не затянут. И в этом зазоре, в этой щели между струнами, мы с вами.

Весь следующий день в замке — суета, как в потревоженном улье. Король Филипп с раннего утра водит герцога Камиля де ла Рош сперва по замку, потом по двору, затем они садятся на коней и уезжают в окрестности — показывать земли, мерить взглядом поля. Слуги носятся, как ужаленные, даже старший конюший охрип, раздавая приказы. Я проскальзываю на кухню — и тут же жалею об этом.

Миэль в ударе. Она мечется от котла к котлу, передник съехал набок, лицо красное от жара и гнева.

– Куда ты прешь, дурень? Я ж сказала – сперва биточки мучные с медом, потом биточки из говядины. Ты куда мед-то льешь, а? Вот отобью тебе пальцы, разочек, будешь у меня знать!

Рыжеволосый поваренок шарахается из стороны в сторону, едва не опрокидывая разделанную рыбу с соседнего стола. Миэль перехватывает доску с рыбой на лету и закатывает глаза к потолку – ищет там, наверное, божественного терпения.

– Так, Лефу, – она замечает меня и тычет половником в мою сторону, пока я задумчиво одной рукой жонглирую двумя яблоками, – отвлекаешь. Доедай, шапку в руки и вперед, пока я и тебе работенку не нашла. Давай-давай.

Хватаю яблоки, забираю колпак со стола и исчезаю, пока половник не отправился вдогонку. Ноги сами несут меня к восточному крылу, туда, где зал с широким каменным балконом выходит на реку. Сейчас, в предобеденные часы, солнце уже перекаатилось за камни — тень длинная, прохладная. То, что нужно, чтобы перевести дух.

Я уже сворачиваю из коридора в галерею и издали вижу её.

Элоиза выходит из дверей библиотеки. На ней приталенное зеленое платье — простое, с вышитыми цветами по корсету и рукавам. Волосы собраны в низкий узел на затылке, и два тонких локона, как всегда, спадают на лицо с веснушками. За нею — стражник в кожаной куртке и камеристка, молодая, круглолицая, с до боли знакомой книжкой в руках. Остановливаюсь у колонны и присматриваюсь. Тот самый том, что стоит на полке под буквой «С». Тот самый том, куда я ночью, после писем, вложил василёк. Я сорвал его у реки, когда прятал шкатулку на место, и перед сном решил оставить цветок между страниц, как раз там, где начинается история малышки Аделаиды в цветочных полях.

Элоиза что-то тихо сказала камеристке. Кажется, это та самая дама, которая прикрывает отсутствие принцессы, пока она выскользает к реке. В одном из первых писем Элоиза рассказывала о тайной роли своей служанки в нашей переписке.

Оперевшись плечом о стену, смотрю на нее, не сводя глаз. На ее безупречную осанку, на то, как она поправляет выбившуюся прядь. И внутри поднимается такое щемящее сердце и такое опасное чувство. Смесь правды и маскарада, тайной близости и чужого холода. Я знаю её мысли лучше любого придворного. Я видел её почерк, её сомнения, её страхи и мечты. А она сейчас видит во мне лишь колпак с бубенцами – забавный мальчик с лютней и парочкой трюков в запасе. Нет, я себе не прощу, если останусь подпирать стену. Иду к ней.

Не спеша, вразвалочку, как и должно идти усталому шуту по коридору замка. Черно-красные сапоги тихо скрипят по каменным плитам. Подхожу ближе, слегка улыбаюсь, пока она отводит взгляд.

– Ваше Высочество, – говорю я, чуть склонив голову, – какая честь встретить вас без дела. В голосе – ирония, приправленная легкой колкостью. Она поймет это. Весь замок стоит на ушах, а она прохаживается без толпы из свиты, без забот и обязанностей.

Элоиза останавливается. Смотрит на меня долгим взглядом, и я вижу, как она решает, ответить или пройти мимо.

— Да, здравствуй, — отвечает она ровно, слегка кивнув.

Я понимаю, что момент упускать нельзя. Она уже начала идти дальше.

– Удивлен увидеть вас здесь. Я-то думал, ваше высочество будет сегодня весь день украшать покои сладкими грезами о предстоящем счастье, – улыбаюсь шире и пристально смотрю на ее реакцию. – Герцог де ла Рош, поговаривают, человек тонкой душевной организации. Слышал, он вчера точно дитя прослезился, когда я пел про дрозда и лимоны. Такая чувствительность достойна наивысших похвал!

Она останавливается, но пока не оборачивается. Вижу, как напрягаются ее плечи, как с интересом слегка повернулась голова. Я продолжаю:

– Думаю, его огорчили лимоны. Бедняга, я даже не уверен, растут ли на его родине фрукты! Драконья сталь, конечно, хороша, но для телесного духа, ваше высочество, без фруктов далеко не уйдешь.

Элоиза поворачивается ко мне лицом. В ее уставших глазах вижу зарождающееся раздражение, и что-то еще. Хитрость? Дерзость? Ну же, выдыхай, улыбнись, выпусти пар на мне!

— Это всё, ты закончил?

— О, я только начал, — развожу руками, а в груди радостно застучало сердце. — Если вам так не терпится услышать продолжение, я могу устроить вам и вашим сопровождающим приватное представление. Прямо здесь, в коридоре. На ваш взгляд, зажигать фитиль при жонглировании подсвечниками — уже слишком? Или будет в самый раз?

Она скрещивает руки на груди и задумчиво сводит брови. Давай же, фыркни, брось что-то колкое и остроумное, как ты умеешь.

– Послушай, – говорит она, и голос ее становится ниже, елейнее, – я, право, удивлена. Поистине чудо, что герцог де ла Рош до сих пор не передумал со своим предложением. После того воя, что разносился вчера по залу, любой человек уплыл бы обратно на свой остров, прихватив с собой травмированные уши, – и никто бы не смел осуждать его за это.

Камеристка вскидывает брови от неожиданной реплики принцессы. А Элоиза продолжает, сдерживая зарождающуюся улыбку в уголках рта, я вижу.

– Даже Тордю, – в ее голосе хлестко звучит имя этого вечно икающего кривляки, – был куда более сносен. Во всяком случае, он не скрипел на струнах, выдавая жестокость над зрителем за музыку. Жаль баронессу де Монфор, говорят, она сидела так близко, что дважды перекрестилась, когда ты затянул про глупого дрозда.

Камеристка прыснула в ладонь, пытаясь сдержать смех. Гвардеец смотрит прямо перед собой, но я вижу, как подрагивает его ус. А я Я чувствую, как внутри под ребрами разливается тепло. Это именно то, чего я ждал.

– Жестокость, говорите? – Я наиграно прикладываю руку к сердцу, – Ваше высочество, вы ранили меня в самое как эта штука зовется? В самое дорогое и нежное место. Я же так старался. Я репетировал. Я три дня не ел, не пил, чтобы голос звучал звонко как колокол.

– Как бой колоколов на похоронах, – поправляет она, не моргнув глазом.

– Как колокол собора! – не сдаюсь я, – Который звонит только по великим праздникам. А ваш выход в зал – разве не праздник? Конечно, вы опоздали и услышали мой профессионализм в полной мере Хотите, спою для вас прямо сейчас?

– Ты невыносим, – она закатывает глаза, фыркает. И это фырканье – истинная музыка для души.

– Это и есть мое ремесло, ваше высочество. Быть ужасно невыносимым! Вот правда, некоторые пытаются присвоить этот труд себе и делают это совершенно бесплатно и с куда большим талантом.

Она на секунду замолчит. Я вижу, как она прищурила свои голубые искрящиеся смехом глаза, как она перебирает в голове ответы. И когда она приоткрывает рот, понимаю, что игра началась всерьез.

– Скажи мне, прошу, – ее голос пропитан притворным любопытством, – на твоём колпаке и правда бубенцы? Или этот звон раздается от твоих мыслей? Никак не могу понять, что за назойливый звук и откуда он.

– О, ваше высочество, – я кланяюсь неглубоко, – мысли звенят только у тех, у кого они вообще есть. Для пущего комфорта собеседника я предпочитаю не думать вовсе.

– В том-то и беда, я думаю, – вздыхает она. – Получить от тебя полную тишину – это такой редкий дар нам всем, что его непременно занесут в летописи. «В год, когда герцог де ла Рош приехал с визитом в замок, владелец колпака с бубенцами молчал целых десять секунд. Замок рухнул от удивления».

– Если замок рухнет, ваше высочество, я обещаю поддержать вас лично. На своих плечах. Не переживайте, шут ничем не уступает рыцарю, уверяю.

Она делает шаг навстречу. Я чувствую запах флердоранжа – такой же, какой доносился вчера от ее стола, когда я проходил мимо.

– Я – не яблоко для жонглирования, ты бы меня не удержал и рухнул бы в тот же миг, – говорит она тихо.

– А падаю я красиво. Вы же видели вчера мой кульбит, – я растягиваю самую широкую улыбку и складываю руки на груди зеркально Элоизе.

– Видела, – при всем серьезном виде, на ее скулах появился тонкий розовый румянец, – И до сих пор не могу решить, что было страшнее: твое падение или попытка барона де Монфора танцевать с вилкой.

Мы смотрим долго друг на друга. В ее глазах во всю плещутся смешки. Я решаю, что здесь можно закончить в этот раз.

– Туше, ваше высочество, – говорю я, чуть разводя руками.

Она смотрит с недоверием, словно пытается просчитать – смеюсь ли я над ней или признаю победу. Ее губы дрожат. Я вижу как она с силой сдерживает улыбку.

— Желаю вашей светлости приятной прогулки по замку, — говорю я и делаю лёгкий поклон. Руку — на сердце, колпак — чуть набок. Как же она не любит эти реверансы вне пира!

– Прекрати, прошу, – бросает она.

– Что именно, ваше высочество? – спрашиваю я, якобы удивленно.

– Реверанс

— Вы хотите лишить меня последнего изящного жеста? Я же только ради вас стараюсь.

— Ради меня старайся молчать, — отвечает она, но в голосе уже нет холода.

Что ж, значит, одного реверанса мало. Делаю глубокий, самый вычурный поклон, какой только способен изобразить. Мой нос почти утыкается в колени, макушка касается каменного пола, колпак со звоном шмякается, и бубенцы заливаются переливчатым трезвонном.

Камеристка не выдерживает и смеется в голос. Гвардеец кашляет в кулак, но мне не впервые видеть сдерживающих вырывающийся хохот солдат.

— Безнадежен, — говорит она, — абсолютно безнадежен

Она изящно отмахивается ладонью и идет дальше, обходя меня стороной. Камеристка и гвардеец идут за ней следом.

Я провожаю их взглядом, пока они не скрываются за углом. Она не обернулась, но я видел. Видел, как в уголке ее губ пряталась улыбка. Маленькая, тихая, как еще одна наша

тайна, которую она пытается спрятать ото всех. И которую мое любопытство вновь не смогло упустить.

Поднимаю колпак, стряхиваю зачем-то пыль, которой здесь и в помине нет. Бубенцы звенят, негодники, просят вернуться на голову Лефу.

Иду дальше, в северную галерею. Солнце здесь уже сдало позиции — густая тень укрыла каменный балкон, только в узких бойницах пляшут пыльные зайчики. Я выхожу на воздух, и ветерок, нагретый за день, ласково гладит лицо. Перила здесь широкие, теплый шершавый камень приглашает на отдых. Я сажусь, упираясь спиной в стену, поджав одну ногу ближе. Колпак беру в руки, пусть отдыхает.

Передо мной — леса и поля. Далёкие зелёные холмы, между которыми угадывается изгиб реки, той самой, что шумит под стенами. Она течёт туда, где горизонт сливается с небом. Я не знаю точно, но иногда мне кажется: если смотреть достаточно долго, можно разглядеть край света. А может быть, там, в той неясной дали, за перелесками и деревушками, о которых никто не помнит, — мой дом. Я не помню его. По-настоящему не помню. Только обрывки: мокрая трава под босыми ногами, запах овечьей шерсти, чей-то смех — низкий, грудной, может быть, материнский. Или братьев, сестер. Почти ничего не помню.

Ветер стихает. Солнце скатывается дальше по небосводу, удлинняя тени. Веки тяжелеют. Я смотрю вдаль и думаю о том, что сегодня она прочтёт ту книгу, где меж страниц притаился для нее цветок. И, может, если мне посчастливится, она сохранит этот цветок надолго.

Я засыпаю под шёпот листвы и далёкий крик птицы, которая, кажется, ищет своё гнездо. Или, быть может, летит искать лимоны.

Порой невозможно отличить границы сновидений. Что-то просачивается туда из домыслов, что-то из воспоминаний. Но этот сон я знал слишком хорошо.

На дворе стоял приятный день начала осени. Солнце еще светило ярко, сбавляя пыл летней жары. Ровный и мягкий свет золотил края пожелтевших листьев, отчего кроны деревьев казались сплетенными из золотых монет, разбросанных по лесу неведомым щедрым купцом.

Мальчик десяти лет вышел из самого добротного дома во всей деревне — именно такой полагался синдику, его отцу. Дом был рубленный, с крепкими ставнями и крыльцом на двух столбах, закрывая за собой дверь, мальчик на миг оглянулся на тёсаные брёвна, пахнувшие смолой и воском. Матье тянуло мышцы рук — от локтей до самых пальцев, — потому что вчера он весь день провел у столяра. Старый мастер с теплотой глядел, как мальчик строгаёт, шлифует, вырезает узоры на небольших заготовках. «Ну, Матье, — говорил он под вечер, — из тебя выйдет толк. Схватываешь на лету, как куница орех. Твои руки словно сами знают что им делать».

День был такой хороший, и всё складывалось как надо. Он знал, что вполне хорош собой, во всяком случае — не урод. Волосы тёмные, вечно растрёпанные, мать каждое утро норовила пригладить их мокрым гребнем, но ему такой вид даже нравился. Глаза — серо-зелёные, с таким оттенком, какой бывает в полдень у речной воды в тени деревьев. Лицо без изъянов, руки-ноги крепкие, ловкие. Он не был из числа силачей и драчунов деревни, но соседские мальчишки все равно с большой охотой звали его на любое дело, потому что Матье умел и лихо деру дать, и руку подать, и никогда не плакал, даже когда ему крепко доставалось.

Он выбежал за ворота радостный, ещё до того, как мать крикнула ему вдогонку про тёплый плащ. У ограды его уже ждали — старший брат, которому шёл пятнадцатый год, младший, с вечно сопливым носом, и сестрёнка, вертлявая девчонка лет пяти, которая хотела подражать братьям и не отставала от них ни на шаг. Стояли здесь и другие дети, больше дюжины, сбившись в шумную ватагу у колодца. Все взбудоражено переговаривались, толкались и поглядывали в сторону леса.

— Сегодня, точно сегодня, мне папа так говорил. Король уже вышел на охоту! — выкрикнул кто-то. — Папа видел гончих ещё на рассвете. Говорит, их провели по большой дороге.

— А я слышал, и принцессы будут с ним, — прошептала одна из девочек, круглолицая, с льняной косой.

Матье наострил уши. О принцессах рассказывали только заезжие купцы, оставаясь на ночлег в деревне. Они все как один говорили, что дочери короля прекрасны, как ангелы, что кожа у них — чистый фарфор, белоснежнее облака в солнечный день, глаза сияют так, что на них больно смотреть, а губы точно атласные бантики. Дети, слушая эти рассказы, представляли принцесс почти сказочными существами — не то людьми, не то райскими статуями. И, конечно, вся ватага мечтала хоть раз в жизни на них взглянуть.

— В лес! — крикнул старший брат, поднимая над головой палку, изображавшую посох. — В лес, пока не упустили!

Дети рванули с места, разбрызгивая по сторонам дорожную грязь. Матье бежал в первых рядах, чувствуя, как ветер путает и без того косматые волосы, как земля упруго толкает босые ступни. Они влетели в лесную тень, где воздух сразу стал плотнее, прохладнее, запахло прелым листом и грибами. И тут же, где-то с правой стороны, из-за холма, грянул охотничий рог. Матье резко остановился и поднял руку.

— Туда! — крикнул он, указывая направо. — Рог оттуда, король будет там!

Остальные дети тоже замедлили бег, но никто не свернул. Старший брат оглянулся и мотнул головой:

— Глупости, Матье. Вон, слышишь? Рог слева, со стороны дубравы. Я же выше, а значит лучше слышу. Ну, чего встали? Айда

— Нет, он точно справа! — попытался возразить Матье.

Но его уже никто не слушал. Детвора хлынула влево, в ту сторону, где меж стволов угадывалась широкая просека — удобное место для конной охоты. Даже младшие брат с сестрой — все побежали с толпой, оставляя Матье одного на лесной тропе.

Он постоял с полминуты, то сжимая, то разжимая кулаки. Обида кольнула в груди, но Матье быстро её отогнал. Если остальные не хотят слушать его — пусть. Он пойдёт туда, где услышал рог. Один. Хуже не будет. Матье повернул направо, углубляясь в чащу, туда, где солнечные пятна лежали на мху неровными осколками.

Шёл он недолго. Лес постепенно редел, и вскоре Матье вышел на небольшую поляну, окружённую старыми, корявыми дубами. Один из них — самый широкий, с раскидистыми ветвями, похожими на руки усталого пугала, — рос у края поляны. И у этого дерева стояла девчонка.

Матье подошел к ней ближе, наблюдая со стороны как она неумело пыталась забраться на дуб. Он приблизился быстро, стараясь не наступать на сухие ветки. Девочка его не замечала — до тех пор, пока он не оказался в трёх шагах.

— Эй, ты слышишь горн? — спросил Матье негромко, чтобы не напугать. — Давай, полезли скорее, а то король со свитой нас найдут, и нам ой как попадёт.

Девочка резко обернулась. Она взглянула на него оценивающе и вполне уверенно кивнула.

— Да, давай, — сказала она тихо. — Поможешь?

Он подставил ладони, посадил её на нижний сук и следом вскарабкался сам. Через минуту они устроились на широкой ветви, где листва ещё не до конца пожелтела и плотно закрывала их от случайных взглядов снизу. Матье привалился спиной к стволу, девочка сидела рядом, чуть сбоку, и от неё пахло не то мятой, не то лемонграссом — что-то очень похожее его мать клала в холщовые мешочки между чистой одеждой.

— Ух, — выдохнул Матье, пригладив волосы. — Вот бы, конечно, они проехали ближе, и мы увидели ну хотя бы одну принцессу.

Девочка рассмеялась. Звонко, легко и почему-то прикрыв губы ладошкой. Её смех был похож на колокольчики, которые нежно звенят в праздник на площади.

— Да, это было бы и правда здорово! — сказала она и тут же, наклонив голову, спросила с живым интересом: — А почему ты хочешь увидеть принцессу?

Матье пожал плечами. Разговор с этой девочкой почему-то шёл легко, без той неловкости, какая возникала, когда он оставался наедине с кем-то из уже знакомых ему девочек деревни.

— Как почему? Ты разве не слышала, что про них люди рассказывают?

— Я многое слышала, — ответила девочка, и её голос стал чуть осторожнее. — А о чём ты говоришь — не знаю.

Матье принялся пересказывать купеческие байки, чуть краснея от того, что приходится повторять такие слова вслух. Он очень умело пересказывал истории друзьям и родным, но рядом с незнакомыми старался говорить особенно складно, потому что раньше быстро сбивался с мысли:

— Да говорят, принцессы красивы, как ангелы, как фарфоровые статуэтки... Я, правда, не знаю, как этот их фарфор выглядит, — тут он чуть понизил голос, словно признавался в чём-то постыдном, — но готов поспорить, что это что-то очень красивое.

Девочка засмеялась вновь — ещё звонче, чем в первый раз. И когда она смеялась, Матье видел, как менялось её лицо: щёки розовели, глаза становились ещё ярче. Матье вдруг заметил, что не может отвести от нее взгляда.

Солнце пробивалось сквозь листву — там, где ветки расходились, сквозь щели падали солнечные зайчики, мягкие, золотистые. Эти зайчики скользили по лицу девочки, и Матье увидел ее огромные голубые глаза, окаймлённые чёрными, как сажа, ресницами; бледную кожу, на которой веснушки были рассыпаны так густо, словно кто-то небрежно макнул кисть в охру и разбрызгал по холсту, подражая звездам на ночном небе. А в черных длинных косах была лента такого же небесно-голубого цвета, как и глаза. Он вдруг почувствовал, что в груди у него стало так тяжело и жарко. Дыхание перехватило. Раньше с ним такого не приключилось.

— Как думаешь, — спросила девочка, и в её голосе сквозил живой интерес, — принцессы и правда будут такими красивыми как говорят купцы?

Матье слотнул. Он всё ещё не мог смотреть на неё спокойно, но нашёл в себе силы пожать плечами и отвернуться к стволу, рассматривая бугристую кору.

— Да вряд ли — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Знаешь, купцы любят приукрасить. Даже если бы это было правдой, всё это звучит так... не по-настоящему, понимаешь? — Он покосился на девочку и увидел, что она смотрит на него в упор, не отрываясь, и на губах её играет осторожная улыбка. — Настоящая красота, она же не в фарфоровых куклах этих, она... — Матье покраснел так сильно, что жар, казалось, сжигал даже уши. Он быстро отвернулся, вцепившись пальцами в кору. — Вот ты, например, красивая. Очень... И никакая не кукла при этом. Принцессы такими не бывают.

Слова вырвались сами, без спросу. Он испугался на миг, что сказал невозможную глупость, что девочка обидится или, хуже того, засмеётся над ним. Но она не засмеялась. Она лишь смущенно улыбнулась, покрываясь легким румянцем, и тихо-тихо сказала в ответ:

— Спасибо.

Она, кажется, захотела придвинуться ближе или сесть удобнее. Но ветка, старая, подгнившая у основания, не простила резкого рывка. Раздался короткий сухой треск, и девочка громко вскрикнула. Матье увидел, как её тело на миг зависло в воздухе, а потом, круша мелкие сучья, она рухнула вниз, ударилась о корень и замерла, сжавшись в комок.

— Эй! Эй, ты как?! — Матье спустился в одно мгновение, забыв про осторожность, соскользнул по стволу и ободрал ноющие ладони. Он упал рядом с ней на колени, не решаясь прикоснуться. — Ты в порядке? Ушиблась? Где болит? Встать сможешь?

Девочка плакала. Не в силах сдерживать слезы, они текли по её щекам, смешиваясь с лесной пылью, оставляя грязные дорожки. Она закусывала губу, но слёзы всё равно бежали, а плач вырывался наружу, разлетаясь по лесу.

Матье замельтешил вокруг нее. Крови не было — он быстро оглядел её руки, ноги, макушку и платье. Но от этого не стало легче: иногда ушиб бывает страшнее пореза. Хоть внешне она и казалась ему ровесницей, внутри растекалось жалкое чувство, какое рождалось к его младшей сестре, когда та попадала в беду. Пусть девочки иногда такие зануды, но внутри все горит огнем, когда эти хрупкие и добрые создания страдают. Он не был лекарем, не был силачом, но зато был собой и делал то, что умел:

— Послушай... послушай, посмотри меня. Скоро все пройдет. Ты упала, испугалась, и наверное ушиблась. Скоро тебе станет легче, я тебе обещаю! А пока, прошу Улыбнись. Пожалуйста, улыбнись. Переставай плакать. Всё пройдёт, вот увидишь. Я пока побуду с тобой рядом и

Матье остановился – она продолжала плакать, несмотря на его слова. И тут он оглядел землю вокруг. Прямо у корня, где упала девочка, лежало несколько крепких шишек и одно мелкое зеленое лесное яблочко. Он быстро подобрал шишки, подхватил яблоко и, не вставая с колен, начал жонглировать. Сначала неуклюже, то и дело роняя яблоко, но его ловкие руки быстро поймали ритм. Три предмета закружились в воздухе. Потом он добавил четвертую шишку и это стало похоже на маленькое представление.

Девочка всхлипнула и затихла. Слёзы ещё текли по щекам, но она уже не рыдала. Смотрела на руки Матье, на летающие предметы, и в её голубых глазах сквозь влагу пробивалось любопытство.

— Смотри, — сказал Матье, чувствуя, что у него начинает получаться отвлекать лесную подружку от слез. — Смотри еще! Сейчас-сейчас

Он отбросил шишки и, собравшись с духом, сделал стойку на руках. Ноги его взметнулись вверх, и там, в воздухе, он начал дрыгать ими, подражая старшему брату — тот всегда так делал на деревенских праздниках, вызывая хохот у взрослых. Матье шатался, руки дрожали от нагрузки, он почти не видел земли, но упрямо держался, считая про себя: раз, два, три Давай, выдержи хотя бы до счета пять.

— Ух! — выдохнул он и перевернулся, плюхнувшись на бок. Вышло не очень гладко, но девочка усмехнулась.

Всхлипывая и потирая красный нос, все-таки улыбнулась. И Матье ощутил такую внутреннюю радость, словно это было самое лучшее, что он видел в своей жизни.

— Ты... — начала она, сбиваясь, — как ты так...

Но договорить она не успела. Потому что в тот же миг из-за деревьев вырвались собаки — огромные гончие с влажными мордами и длинными свисающими ушами. Они залаяли, закулики, запрыгали вокруг, и вслед за ними на поляну вылетели всадники. Охотничья свита: конные в зелёных камзолах, с арбалетами на плечах, а посередине — тяжёлый вороной жеребец, на котором сидел человек в богато расшитом плаще. Без сомнений, это был король.

Девочка испугалась. Матье видел, как она сжалась, как опустила взгляд, как побелели пальцы, цепляясь за подол платья. Да он и сам испугался еще как! До тошноты, до холодного пота на спине, но всё же подвинулся к ней ближе, заслоня её своим телом и прошептал так тихо, как только мог:

— Сиди тихо. Не бойся. Я разберусь.

И он поднялся на ноги, выпрямился и, как делал отец на встрече с сеньором, низко поклонился королю. Тонкостей процесса он не знал, но постарался сделать поклон как можно учтивее.

Король даже не спешил. Он нависал над Матье, и мальчик чувствовал запах конского пота, кожаной сбруи и каких-то незнакомых сладких трав.

— Что здесь происходит? — Король говорил негромко, но от этого голос казался только страшнее. — Эла! Эла, встань и подойди сюда немедленно!

Девочка всхлипнула, но с места не сдвинулась. Король слез с седла. Он был огромен, чуть ли не в два раза выше Матъе.

— Зачем ты сбежала? — Король крепко схватил девочку за плечо. — Вся охота превратилась в поиски этой негодницы! Собаки потеряли след зверя, люди прочёсывают лес из-за тебя! Эла, ну что мне с тобой делать, а?

Девочка заплакала снова, почти беззвучно, только плечи вздрагивали. И тогда до Матъе дошло.

Эла. Принцесса Элоиза. Та самая, о которой рассказывали купцы. Та самая, чью кожу сравнивали с фарфором, а голос с трелью соловья. Он беззвучно шевельнул губами, глядя прямо ей в глаза: «Так ты принцесса?»

И она смущённо, точно была виновата в своем титуле, кивнула.

Король тем временем перевёл внимание на мальчишку. С каждой секундой его ноздри раздувались шире, брови сдвигались ближе к переносице, а лицо приобретало все более пунцовый окрас.

— А это еще кто такой? — спросил король, не оборачиваясь к свите. — Откуда он?

Свита молчала. Матъе хотел ответить, но язык прилип к нёбу.

— Ты! — Король ткнул в него пальцем. — Это ты сделал с принцессой? Почему она плачет? Почему она вся в грязи? Как ты, драный свинопас, вообще посмел довести дочь короля до слез?

— Я... — начал Матъе и запнулся.

— Отвечай, когда король спрашивает! — крикнул кто-то из всадников.

Матъе сглотнул. Голос его звучал незнакомым и уж слишком юным и тонким, несмотря на старания показаться старше и смелее, чем он есть.

— Я... не причинил принцессе вреда, ваше величество. Честное слово! И я не свинопас Я сын синдика соседней деревни. Подмастерье столяра. Я я

Он чуть было не назвал своё имя, но вовремя остановился. Мать всегда говорила: не называй своё имя незнакомым людям, а знакомых сперва хорошенько узнай, прежде чем выдать им личные тайны. Можно ли было назвать короля своим знакомым он не знал, но решил, на всякий случай, не представляться.

— Я всего лишь хотел, чтобы она... чтобы принцесса улыбнулась, — выдохнул он. — Она упала с дерева, я её развлекал, чтобы принцесса перестала плакать...

— Развлекал?! — Король подался вперёд. — Ты, грязный мальчишка, посмел приблизиться к Элоизе? Посмел к ней прикасаться?..

— Папа! — Голос принцессы прозвучал неожиданно твёрдо, хотя в нём ещё дрожали слёзы. — Папа, это я сама. Я сама залезла на дерево, и ветка сломалась. Я упала. А этот... этот добрый деревенский мальчик подбежал ко мне, помог. Он правда меня успокоил. Я плакала от боли, а он... он жонглировал и стоял на руках, это было так странно и смешно... Он меня не трогал. Правда, папа, так и было!

Король замер. Повисла тишина, только среди всадников доносились шепотки и смешки.

— Значит, жонглировал, да? — переспросил кто-то из свиты. — И стоял на руках?

— Ну да, — неуверенно подтвердил Матъе.

И тогда, не зная зачем, повинувшись какому-то отчаянному внутреннему толчку, он нагнулся, подобрал рассыпанные шишки и снова начал подбрасывать их, ритмично перебирая руками. Прямо перед королём, перед разодетыми всадниками, перед лающими гончими. А затем, ради полного оправдания, встал в стойку на руках. На краткий миг, дрожа всем телом, но он изловчился устоять целых три удара сердца.

Свита загудела. Кто-то присвистнул. Король хмурился, сложно было понять, о чём он думает. Но, кажется, гнев отступал.

— Что ж, мальчуган. Я даю тебе выбор. Слушай внимательно, потому что здесь и сейчас решается твоя судьба.

Матье опустил на ноги, вытер мокрые от земли ладони о штаны.

— Выбор, — повторил король, чеканя каждое следующее слово. — Мои люди высекут тебя здесь, при всех. Это станет уроком не только тебе, но и всей деревенской босоте. Охота моих людей провалилась, так что высекут тебя хорошенько, мало не покажется!

Элоиза всхлипнула и схватила отца за рукав.

— Папа, не надо, он же не нарочно, он же хороший, папочка...

— Молчать! — Король вырвал рукав, но дочь не перестала жалобно шептать о пощаде. — Второй вариант, — продолжал он, не глядя на принцессу, — ты навсегда уедешь в королевский замок. Прямо сейчас. Станешь шутом-балагуром. Будешь до конца своих дней кривляться, петь, жонглировать этими, как их там Да чем угодно, хоть шишками. Ты навсегда лишишься своего деревенского имени, семьи. Раз ты решил, что имеешь право смешить королевскую семью, будешь посмешищем для всего замка. Выбирай.

Матье сделал вдох. Грудная клетка ходила ходуном, но он заставил себя дышать ровнее.

— Я... — начал он. Голос сел, пришлось повторить: — Я выбираю уехать. Чтобы стать шутом.

Король прищурился. Свита зашушукалась.

— Быстро ты согласился, — заметил король. — А как же родные? Бросаешь их, и ни слезинки? Неужели ты совсем бессердечный?

Матье опустил голову. Он смотрел на свои босые ноги, на грязь, приставшую к пальцам, и думал о матери, о том, как она будет плакать, если он вернётся в кровь высеченным людьми короля. И о том, как отец скажет: «Нарвался на прут? А головой думать? Посмотри до чего доводишь мать!». Как братья с сестрой будут винить во всех бедах его одного, ведь именно Матье посмел опорочить честь семьи перед монархом. Он поднял глаза и тихо ответил:

— Прийти домой высеченным я не могу, ваше величество. Моя мама очень расстроится.

Сперва все замолчали. А после, точно по цепочке, один за другим расхохотались всадники.

— Слышали, что говорит? — прыснул толстый охотник, тыча пальцем в Матье. — Он боится маму огорчить! Выбирает шута! Да этот мальчик, видать, тоже упал с дерева, головой ушибся. Настоящий безумец!

— Безумец, — подхватили другие.

— Легонечко так стукнулся! Ха.

— А ну тихо, — оборвал их король, и смех угас. Он ещё раз посмотрел на Матье. — Ну что. Быть по сему.

И, не глядя больше на Матье, махнул рукой одному из всадников — молодому, с острым лицом и чёрными, как смоль, усами.

— Забирай его. И — во дворец, пока охота не испортилась окончательно. Пусть Рюзе возьмётся за него.

Всадник кивнул, спрыгнул с коня и подошёл к мальчику. Принцесса Элоиза смотрела на Матье так, словно хотела что-то сказать, но не находила слов. В её глазах стояли горькие, сожалеющие слёзы.

— Пойдём, — сказал всадник, беря его за плечо. — Пойдём, Лефу. Ты уезжаешь в замок сейчас же.

Он дёрнулся и с недоумением взглянул на мужчину.

— Лефу?

Всадник криво улыбнулся.

— А кто же ещё? Так тебя и наречём. Привыкай, теперь это твоё имя.

Лефу С приходом другого имени изнутри все заполнила темнота. Он вдруг остро, до спазма в горле, понял: всё, что было до этой секунды, — родной дом, мама и папа, братья, сестра, резак и стамески, утреннее солнце над крыльцом, — только что исчезло. Навсегда. А впереди его ждут чужие холодные стены, чужие лица и колпак с бубенцами. Страх скрутил внутренности тугим узлом.

Он шагнул к коню, потом обернулся в сторону леса. Там, за стволами, осталась его деревня. Его жизнь. И никто из тех, кто там живет, никогда не узнает, куда он пропал. Но не смотря на это, Матье Нет, Лефу Знал, что сделал правильный выбор. Опозорить или расстроить семью он не мог. Лучше уж так.

— А я... — мальчик споткнулся на полуслове. — Я вообще-то умею только жонглировать и стоять на руках. И, если честно, довольно плохо. А что со мной будет, если у меня ничего не выйдет? Простите, но мне страшно, господин. Что если я не оправдаю ожиданий.

Всадник сперва помолчал, глядя на мальчика сверху вниз. Потом хлопнул по плечу — почти по-отцовски.

— Не переживай, малый, — сказал он. — Рюзе тебя всему научит. Он и не из такого ободранца придворного шута сделает.

Лефу в последний раз оглянулся на поляну. Король уже взобрался на коня и отдавал приказы своим людям. Свита разворачивалась, готовясь продолжить охоту. А принцесса Элоиза стояла одна, в её длинных косах ветер трепетал ленты — голубые, как её сказочные глаза, как небо над родным домом, которого мальчик больше никогда не увидит.

Я проснулся от того, что бубенцы колпака звякнули о каменный пол. Все-таки выпал из рук, поганец. Солнце ушло за горизонт. Сон кончился. Но имя осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.